



# О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

## КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукьяницы Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав его несовершеннолетних детей Лукьяницы Владимира Александровича и Лукьяницы Николая Александровича положениями статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»

город Санкт-Петербург

23 июня 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

рассмотрев по требованию гражданина А.В.Лукьяницы вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

у с т а н о в и л :

1. Гражданину А.В.Лукьянице, который является отцом двоих детей (2000 и 2010 годов рождения), территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации отказал в выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, мотивируя решение тем, что мать детей не

имеет права на дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.В.Лукьяница оспаривает конституционность положений статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», устанавливающих условия возникновения права на дополнительные меры государственной поддержки.

По мнению заявителя, данные законоположения, примененные в его деле судами общей юрисдикции, не соответствуют статьям 1, 2, 7, 19, 38, 39, 52, 53 и 55 Конституции Российской Федерации и статьям 14 и 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку не предусматривают право отца двоих детей получить государственный сертификат на материнский (семейный) капитал независимо от права матери на эту меру государственной поддержки.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные А.В.Лукьяницей материалы, не находит оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.

Конституция Российской Федерации, обязывая в соответствии с целями социального государства, закрепленными в ее статье 7 (часть 1), Российскую Федерацию к установлению гарантий социальной защиты и обеспечению поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1) и гарантируя каждому социальное обеспечение для воспитания детей (статья 39, часть 1), не определяет способы и объем социальной защиты для тех или иных категорий граждан. Установление конкретных мер социальной поддержки семей, имеющих детей, согласно статье 39 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации относится к компетенции законодателя.

В Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» законодатель установил ряд государственных пособий в связи с рождением и воспитанием

детей, которые относятся к основным мерам социальной защиты граждан, имеющих детей, и предусмотрел возможность их предоставления, как правило, обоим родителям.

В дополнение к основным мерам социальной защиты федеральный законодатель Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» ввел меры государственной поддержки семей с детьми, направленные на улучшение жилищных условий, получение образования, а также повышение уровня пенсионного обеспечения, в форме материнского (семейного) капитала. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, право на получение материнского (семейного) капитала непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает и носит временный характер, обусловленный как демографическими задачами, так и финансовыми возможностями государства, условия его предоставления определяются законодателем в рамках его компетенции (Определение от 3 марта 2015 года № 431-О).

Действуя в пределах предоставленных ему полномочий, федеральный законодатель в части 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» закрепил право граждан Российской Федерации на указанные меры государственной поддержки и с учетом особой, связанной с материнством, социальной роли в обществе предусмотрел приоритетное право женщин на их получение.

Дополнительные меры государственной поддержки предоставляются в связи с реализацией социального риска материнства, охватывающего беременность и рождение ребенка, а право женщин на их получение обусловлено фактом рождения второго, третьего или последующих детей. В связи с этим право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка является производным от права женщины и может быть реализовано лишь в случае, когда возникшее у женщины право на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом. Право мужчин на указанные меры не является

производным от права женщин только тогда, когда они являются единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей.

Такое правовое регулирование, обусловленное различиями в видах социального риска, которым подвержены мужчины и женщины, а также основаниями возникновения правоотношений по воспитанию детей, не противоречит закрепленному в статье 19 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципу равенства мужчины и женщины при реализации прав, гарантированных статьями 38 и 39 Конституции Российской Федерации, а потому не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявителя, указанные в жалобе.

Разрешение же поставленного заявителем вопроса о предоставлении права на дополнительные меры государственной поддержки отцу двоих детей вне связи с соответствующим правом матери является прерогативой законодателя и к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукьяницы Александра Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель  
Конституционного Суда  
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1518-О

**Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации  
Г.А.Гаджиева**

Усматривая неопределенность в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации оспариваемых законоположений и полагая необходимым провести предварительное изучение обращения на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», заявляю свое мнение.

Согласно представленным материалам, заявитель, гражданин Российской Федерации А.В.Лукьяница, будучи отцом двоих несовершеннолетних детей и находящийся в тяжелом материальном положении, настаивал на получении сертификата на материнский (семейный) капитал. Судами в удовлетворении требования заявителя было отказано, поскольку его бывшая супруга и мать детей, ранее лишенная родительских прав, не является гражданкой России, а потому право на получение указанных дополнительных мер государственной поддержки у нее не возникало. По мнению заявителя, предписания статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» не соответствуют ряду положений Конституции Российской Федерации, в частности общеправовому принципу всеобщего равенства перед законом и судом.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении, сославшись на более ранние решения по аналогичным жалобам, указал, что право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка является производным от права женщины и может

быть реализовано лишь в случае, когда возникшее у женщины право на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом (Определение от 13 октября 2009 года № 1085-О-О).

Полагаю, что оспариваемое законоположение, тем не менее, вызывает сомнения с точки зрения соответствия его принципу недопустимости дискриминации, т.е. недопустимости вводить такие различия в социальных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2004 года № 11-П и др.). Само название указанной меры поддержки – материнский (семейный) капитал, равно как и положения преамбулы Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», называющей его целью создание условий, обеспечивающих семьям, имеющим детей, достойную жизнь, а также положения части 3 статьи 7, называющей в числе первоочередных направлений распоряжения указанными средствами улучшение жилищных условий и получение образования ребенком (детьми), свидетельствуют о целевой направленности оспариваемых норм закона, которые получение и пользование указанными средствами родителями ставят в тесную связь с личностью ребенка. Функция семьи (материнства и отцовства, которые в равной мере защищаются статьей 7 (часть 2) Конституции Российской Федерации) имеет не только биологическую (вынашивание и рождение ребенка), но и социальную (уход и воспитание) составляющие, которые в равной мере могут выполняться мужчиной и женщиной в неполной семье, что согласуется с правилом о распоряжении средствами по прошествии не менее трех лет с рождения ребенка (часть 6 статьи 7 названного Федерального закона).

В этом смысле нуждается в дополнительном обосновании различное отношение законодателя к мужчине – отцу двоих (и более) детей, чья прежняя супруга является иностранной гражданкой, в сравнении как с женщиной, являющейся матерью двоих и более детей (пункт 1 части 1 статьи 3 данного

Федерального закона), так и с женщиной, являющимся единственным усыновителем второго, третьего и последующих детей (пункт 3 части 1 статьи 3).

По смыслу действующего законодательства не ясно, какое правовое значение имеет различие между указанными категориями граждан – особенно в силу императивных указаний закона о том, что ребенок должен иметь гражданство России, а средства материнского (семейного) капитала направляются на приобретение жилого помещения на территории России (часть 3 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей») или на получение образования ребенком (детьми) в образовательной организации также на территории России (часть 1 статьи 11 названного Федерального закона). В этих условиях то обстоятельство, что супруга заявителя и мать его детей, брак с которой расторгнут и которая лишена родительских прав, имеет иностранное гражданство, носит формальное значение и не представляется существенным для установления нуждаемости его и его несовершеннолетних детей в указанных дополнительных мерах государственной поддержки. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации ранее, законодатель не должен руководствоваться ложными презумпциями и недоказанными предположениями при введении мер социальной помощи (Постановление от 2 декабря 2013 года № 26-П). К тому же дети заявителя теоретически могут находиться в более трудных жизненных обстоятельствах, чем несовершеннолетние, воспитывающиеся в полной семье, а также иметь не меньше оснований рассчитывать на поддержку государства, чем те, отец которых вовсе не является российским гражданином (что допускает часть 3 оспариваемой статьи).

Между тем, по смыслу практики Конституционного Суда Российской Федерации, дифференциация, основанная лишь на формальном критерии и не учитывающая всех обстоятельств, значимых для выполнения родителями обязанности по содержанию и воспитанию детей надлежащим образом, снижает эффективность системы государственной поддержки института семьи и в условиях недостаточности мер социальной защиты лиц с семейными

обязанностями может приводить – в нарушение конституционных принципов равенства и справедливости – к не имеющим объективного и разумного оправдания различиям в положении семей, воспитывающих малолетних детей (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 года № 28-П). Это, конечно, не означает необходимости полного уравнивания мужчин и женщин как лиц с семейными обязанностями во всех аспектах социальных и иных правоотношений, когда соответствующее различие обоснованно, необходимо и соразмерно.

С учетом изложенных доводов и имея в виду фактические обстоятельства конкретного дела, прихожу к выводу о наличии неопределенности в соответствии оспариваемой нормы Конституции Российской Федерации.